

Простота лучше воровства: политическая аргументация Канта в когнитивном подходе*

А. С. Зильберⁱ

ⁱБалтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград

Аннотация: Проводится анализ и моделирование политической аргументации в сочинениях Канта, посвящённых проблемам политики. Составляется формализованная онтология убеждений адресата и набора аргументов. Проясняется круг главных источников образа адресата, а также общий характер модели мира эмпирической и моральной антропологии Канта в их применении к проблемам политики.

Ключевые слова: когнитивные карты, адресат убеждения, набор аргументов, Кант, моральная антропология, эмпирическая антропология, макиавеллизм, механицизм, органицизм, абдеритизм, политическая антропология, вечный мир.

1 Если бы черти обладали рассудком. . .

Текст трактата «К вечному миру», по мнению Г. Каваллара, составлен сухо, трезво и чётко, напичкан юридической терминологией, с которой Кант был лично знаком (Cavallar, 1992, S. 12). Это верно лишь отчасти, сочинение больше напоминает драму в виде монолога, драму в прозе, хотя и поделено на разделы в виде договора. Тезисы договора излагают мирный проект, но почти в каждом разделе упоминается о действительных или возможных препятствиях к реализации предписаний — часто с иронией («государственный муж, *знающий свет*, никогда и ухом не поведет, какие бы ходы ни придумывал теоретик» [Кант, 1994с, с. 355]), а порой и в духе отчаяния, почти безнадежности («и даже целая часть света, если она чувствует свое превосходство над другой [. . .] не замедлит ограбить или даже поработить последнюю для усиления своего могущества»

*Проект «Моделирование оснований учения Канта о вечном мире» поддержан Министерством образования и науки РФ и Германской службой академических обменов в рамках стипендиальной программы «Иммануил Кант» (госзадание 3682).

[Кант, 1994с, с. 435]). Все эти замечания сходятся ко второму смысловому центру трактата — приложению о споре политики с моралью. Философ, политик и юрист — вот главные герои пьесы, обозначенные разными эпитетами. Чаще всего историки философии не упоминают их прямо, а скрывают за ширмой антитезы «моральная политика — политический морализм».

Когда Кант описывал эту троицу, за его плечами было уже два срока на посту ректора университета (во второй половине 1780-х), а на обедах в его доме бывал обер-бургомистр Кёнигсберга Гиппель. Чем же могли юристы так не угодить философу, и насколько серьёзны его упрёки? — Юристы, можно сказать, идут против права:

«Вопрос „*Что такое право?*“ приводит юриста, согласно Канту, в такое же замешательство, в какое вопрос „*Что есть истина?*“ приводит логика. Обязанный профессией к историко-эмпирическому методу исследований, к интерпретации фактически данного и действующего в конкретном случае позитивного права, юрист, правда, может сказать, что было правом в конкретном месте и в определённое время, например, в Риме [...] Цицерона или в Париже [...] Гоббса [...]. Но было ли то позитивное право [...] справедливым или нет, — этого он сказать не может, потому что “всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое [...], — это остается для него тайной” (Кант, 2014, с. 87). Могут ли философы, в отличие от юристов, в принципе дать ответ на этот вопрос? [...] *один* философ ответил на него однозначно отрицательно. Его имя — Карнеад, глава Академии. . . » (Tuschling, 1998, S. 85).

Юристы не желают верить в то, что человечество движется, пусть и не прямолинейно, и не равномерно, к лучшему, т. е. прогрессивно развивается в области не только технической, но и нравственной. Казалось бы, какое это имеет отношение к праву, почему это стало предметом спора с юридическим факультетом? Дело в том, что антропологические аргументы прочно обосновались в политическом дискурсе: «практик берется предвидеть, будто человек никогда не захочет того, что требуется для осуществления цели, приводящей к вечному миру» (Кант, 1994с, с. 433).

Государства видят своё величие в независимости, а главы государств видят свой блеск во власти над людьми (там же, с. 387). Кант, для которого право — «самое святое из того, что есть у Бога на земле» (там же, с. 383), вероятно, видел величие государства в соблюдении этой святости. Вести же речь о величии народа он считал вовсе недопустимым (это «выражение нелепое»), и в подтверждение нарисовал приземлённые эмпирические портреты национальных характеров (Кант, 1994а, с. 350–361). В чём же нелепость выражения? В международных отношениях, в их естественном состоянии, в полной мере проявляется злонамеренность человеческой природы, которая внутри государства сдерживается исполнительной властью, принуждением. Кант не столь пессимистичен как «политические моралисты», но и не наивный оптимист. Однако

для справедливого государственного устройства не требуются ангелы. Оно является средством для воспитания народа, а не народ средством для его построения. «Проблема создания государства разрешима, как бы шокирующе это ни звучало, даже для народа, который состоял бы из дьяволов (если только они обладают рассудком)» (Кант, 1994с, с. 419). Проблема состоит в правильном упорядочивании противодействующих друг другу эгоистических склонностей, а рассудок требуется, видимо, для того, чтобы эгоизм оставался рациональным¹. Не будем увлекаться этим рецептом²: он предложен в рамках телеологической гарантии, то есть ссылается на механизмы природы (провидения), и являет собою «недостоверную» гипотезу, которая компенсирует сознание своего бессилия (Кант, 1994е, с. 345). Образ дьявола — максимальное воплощение того зла, которое есть в людях, но в людях его истоки в том, что человек обладает не только рассудком, и не только разумом.

Трактаты «К вечному миру» и «Спор факультетов», где Кант много внимания уделил тем убеждениям, с которыми он ведёт полемику, — удобный объект для анализа аргументации по методу когнитивного подхода (Брюшинкин, 2009а, с. 23). Текст насыщен материалом для составления модели адресата убеждения, и такая задача актуальна, поскольку описанные взгляды оставляют впечатление систематически выстроенных³, но явно эта система не представлена. Эта характеристика относится во многом и к набору аргументов: мирный проект опубликован раньше, чем было систематически изложено Кантово учение о праве, между ними имеются некоторые расхождения, так что выявление оснований и выведение следствий мирного проекта не перестают занимать исследователей. В таблице 1 приведены примеры триад аргументов: автор прекрасно понимает, насколько невелики шансы напрямую изменить убеждения сторонников реальной политики, и приводит дополнительные доводы, которые более приемлемы для них, чем его собственные убеждения (учение о праве). При составлении юридического договора даже в области «личного права», отмечал Кант, «предложение не может быть названо обещанием, раньше чем я предварительно решу, что предложенное [...] есть нечто могущее быть *приятным* лицу, которому дается обещание» (Кант, 2014, с. 195).

¹ «Люди в своих планах исходят только от частей и дальше их не идут [...] в своих планах они враждебны друг другу и вряд ли могут по собственному свободному решению сговориться между собой» (Кант, 1994е, с. 341). «Цели людей, рассматриваемых отдельно друг от друга», прямо противоположны осуществлению конечного назначения (достижению цели) всего человеческого рода» (там же, с. 347).

² Интерпретация этого высказывания развернулась в целую дискуссию, см.: Ludwig, 1995, S. 71–88; Ludwig, 1997, S. 218–228; Brandt, 1997, S. 229–237.

³ В подтверждение того, что образ юристов, даже с учётом всей иронии в их описании, представлен вполне серьёзно, процитируем в вольном переводе отрывок из черновой записи второго раздела «Спора факультетов» (Loses Blatt Krakau — Weyand, Lehmann, 1959, S. 4). Отрывок был помещён в сноске, в опубликованном сочинении он отсутствует. «Нетрудно обнаружить, что среди учёных это встречается по большей части среди юристов (также в том случае, если они занимаются и философией), что они стараются привести обоснования к этому отрицанию [а именно „отрицают постоянное продвижение человеческого рода на пути к лучшему и без тени смущения объявляют веру в него *мечтательностью*“]» (цит. по: Brandt, 2003, S. 120).

Для большей полноты картины представлений «политиков» и «юристов» о природе человека мы не будем ограничиваться трактатами Канта по проблемам политики и права (Кант, 1994b; Кант, 1994c; Кант, 1994e; Кант, 1994f; Кант, 1999; Кант, 2014) и учтём его сочинения этической тематики (Кант, 1994a; Кант, 1994d; Кант, 1994g). Такая тактика в когнитивном подходе в версии В. Н. Брюшинкина ещё не применялась: до сих пор объектом анализа были небольшие фрагменты одного текста (Брюшинкин, 2009b; Лемешевский, 2013; Хизанишвили, 2014b). Методом моделирования мы выбираем когнитивное картирование — есть пример построения подобных карт для целого трактата, с несколькими конечными представлениями и с учётом всех упомянутых факторов (Сергеев, 1986). В нашем случае два-три ярких фрагмента одного текста станут только началом поиска. Построенную схему с большой натяжкой можно считать моделью аргументации, поскольку от самого текста она весьма далека, а некоторые опоры аргументации⁴ в ней опущены. Тем не менее, «когнитивность» карты сохраняется, поскольку она отражает связь представлений, показывает основания принятия политических решений и восполняет содержательные пробелы в текстовой аргументации.

<i>Убеждения субъекта аргументации</i>	<i>Убеждения адресата аргументации</i>	<i>Набор аргументов</i>
Форма правления должна быть республиканской (с. 373, 381)	«Лучшее правление то, которое лучше ведется» (с. 383)	«Проблема создания государства разрешима [...] даже для народа, который состоял бы из дьяволов», и состоит она в правильном упорядочивании противодействующих друг другу эгоистических склонностей (с. 419)
Республиканское устройство — единственное, вполне соответствующее праву людей (с. 419)	люди со своими эгоистическими склонностями не способны к такому возвышенному по форме устройству как республиканское (с. 419)	«Пусть политические моралисты [...] пытаются доказать свое утверждение примерами плохо организованных устройств [...] (например, демократии без представительной системы)» (с. 453, 455). Для народа несравненно важнее способ правления, чем форма государства (с. 383)
«народ должен объединиться в государство в соответствии с одними только правовыми понятиями свободы и равенства (с. 453)	Толпа людей, вступающих в общество, подчинена механизму природы, поэтому принципы моральной политики неэффективны, а её цели неосуществимы (с. 453)	

⁴Ценности, интересы, психологические установки.

«мы с глубоким презрением смотрим на приверженность дикарей к их не основанной на законе свободе, когда они предпочитают беспрестанно сражаться друг с другом» (с. 387)	«война привита, по видимому, человеческой природе и считается даже чем-то благородным, к чему человека побуждает честолюбие, а не жажда выгоды» (с. 415)	«Война дурна тем, что больше создает злых людей, чем уничтожает их» (высказывание Антисфена) (с. 417)
«В соответствии с разумом [...] не может быть никакого другого способа выйти из [...] состояния постоянной войны, кроме как [...] государство народов» (с. 395)	«Но, исходя из своего понятия международного права, они решительно не хотят этого» (с. 395)	«Этот союз имеет целью не завоевание власти для какого-либо государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств» (с. 391)
«... сохранение на будущее старых претензий [...] есть иезуитская казуистика, недостойная правителя» (с. 357)	«reservatio mentalis, т. е. составление публичных договоров в таких выражениях, которые при случае можно истолковать в свою пользу» (с. 473)	«если бы государство (или его глава) огласило эту свою максиму, то, естественно, каждое другое государство стало бы избегать его или соединяться с другими государствами, чтобы дать отпор его притязаниям» (с. 469)

Таблица 1: Сопоставление фрагментов убеждений (все цит. по: Кант, 1994с)

2 Убеждения адресата («государственного мужа»)

1. Реконструкцию системы убеждений начнём с уровня прикладных принципов, и здесь встречаем первый источник образа адресата. Три случая «антиномии между политикой и моралью» Кант обнаружил в сочинении Х. Гарве «О связи морали с политикой»⁵. Перечисляя принципы политической практики, он не видит возможности подчинить эту практику морали, и Кант эту уступку осуждает (там же, с. 475). В сфере международного права принципы следующие:

- reservatio mentalis: составление публичных договоров «в таких выраже-

⁵Так передаёт Кант название произведения «Некоторые обрывочные наблюдения о нравственности в политике» (Garve, 1788).

ниях, которые при случае можно истолковать в свою пользу», нарушение международных договоров в случае, если их исполнение вдруг стало невыгодным;

- *rescatum philosophicum*: поглощение малого государства большим — легко извинительная мелочь, для блага большего как «общего блага»;
- пробабилизм — «стремление ложно приписывать другим злые намерения или делать вероятностью их возможного превосходства правовым основанием» для упреждающего нападения.

Несколькими страницами ранее (Кант, 1994с, с. 443, 445) изложены три более фундаментальных принципа, образующие непосредственную основу всех практик, которые критикуются в трактате о вечном мире:

- не упускать случая, благоприятствующего самовольному захвату власти над своим или другим народом;
- совершив преступление, отрицать свою виновность: объяснять мятеж *строптивостью подданных*, а подчинив соседний народ (или только намереваясь это сделать), *сетовать на природу человека*, «которая-де такова, что если не предвосхитить насилие другого, то можно быть уверенным, что он опередит тебя и подчинит себе»;
- известная формула «разделяй и властвуй».

Примером воплощения этих принципов была внешняя политика Фридриха Великого, которую Кант наблюдал большую часть своей жизни. Отказавшись признать невыгодный ему порядок престолонаследия в соседнем государстве и ссылаясь на старые права Гогенцоллернов на несколько силезских графств, Фридрих в 1740 году оккупировал Силезию, так началась война за Австрийское наследство. Позже он соединил две части своего королевства при разделе Польши. Добавим к этому уже упомянутый «блеск главы государства»: готовность жертвовать тысячами людей (*там же*, с. 387), использование их как орудий («вещи», «простые машины») (*там же*, с. 359, 361), — например, продажу подданных другому государству в качестве наемников (причём на рабских условиях — практика, распространённая в XVIII веке в немецких княжествах).

Что касается формы правления — государство может образоваться только на основе принуждающей власти (*там же*, с. 433), и получивший эту власть не даст народу править на основе общей воли, потому что она на практике бессильна (*там же*, с. 419), ведь толпа людей, вступающих в общество, подчинена механизму природы, который делает основоположения моральной политики неэффективными (*там же*, с. 453). К тому же, «в обычных условиях не в природе человека по свободному волеизъявлению ослаблять свою власть» (Кант, 1994е, с. 347). Как видим, уже на этом прикладном уровне не удаётся опустить ссылки на природу человека.

2. Переходя (условно) глубже, фиксируем ценности и цели существования государств и оценки истории человечества. Войны в целом можно назвать справедливой и вполне допустимой практикой, поскольку обе стороны нарушают

свой долг, получают по заслугам и не истребляют друг друга полностью, так что потомству достаётся лишь предостерегающий пример, а не угроза выживанию (Кант, 1994с, с. 457). Каждое государство хотело бы достичь вечного мира, став универсальной монархией (Кант, 1994g, с. 35). Главной целью политик считает благосостояние и счастье государства, он стремится обеспечить его безопасность, самостоятельность и автономию (Кант, 1994с, с. 387, 395). Истинное достоинство государства состоит в постоянном увеличении его могущества (*Macht*) любыми средствами (*там же*, с. 357, 359). Вспомним, что Фридрих Великий увеличил территорию Пруссии вдвое. Управлять народом следует по принципу благоволения («отеческое правление»), поскольку подданные подобны несовершеннолетним (Кант, 1994е, с. 285). Тем не менее, их естественная цель — эмпирически мыслимое счастье (*там же*, с. 283), следует делать общество довольным своим состоянием (Кант, 1994с, с. 477). Основой понятия счастья является, согласно Гарве, стремление к лучшему состоянию, и это единственно возможный мотив соблюдения морального закона (Кант, 1994е, с. 259). Благосклонность — приятное чувство, и правители охотно подменяют им исполнение правового долга, ориентируясь не на равенство прав, а на своё недоброжелательство или сострадание — так политика становится двуличной по отношению к морали: «то тем, то другим её учением она пользуется для своей цели» (Кант, 1994с, с. 475). Корни этих принципов обнаруживаются на уровне общечеловеческих психологических свойств.

3. Итак, преступления и консервативность политики оправдываются со ссылкой на слабости человеческой природы, которая не способна к добру (*там же*, с. 457) и непригодна для миротворческих усилий и вообще для реформ (*там же*, с. 433, 439). Война считается привитой человеческой природе: кажется, к ней побуждает честолюбие, а не жажда выгоды (*там же*, с. 415). «Сравнительное себялюбие» или *человечность* — один из трёх задатков человечества (Кант, 1994g, с. 25–27). Это «наклонности судить о себе как о счастливом или несчастном только по сравнению с другими».

«Отсюда влечение *добиваться* признания своей *ценности во мнении других* и притом первоначально лишь ценности своего равенства с другими: никому не позволять превосходства над собой, что связано с постоянным опасением стремления к тому же самому и со стороны других. Отсюда прямо возникает несправедливое желание добиться превосходства над другими. — Им, а именно ревности и соперничеству, могут быть привиты величайшие пороки тайной и открытой враждебности против всех, на кого мы смотрим как на чужих для нас» (*там же*, с. 27).

Схожий с этим порок «дикого беззакония», из разряда «естественной грубости» может быть привит *влечению к общительности*, которое относится к задаткам животности в людях («механическое себялюбие»). От этих склонностей, очевидно, прямой путь к саркастически упоминаемой Кантом формуле, которую приписывают вождю галлов Бренну (IV в.): «Право есть преимущество, которым природа наделила сильного перед слабым, для того чтобы слабый ему

повиновался» (Кант, 1994c, с. 389). «Долго существующее законное устройство постепенно приучает народ к правилу судить о своем счастье и своих правах по той обстановке, в которой все до сих пор шло спокойно» (Кант, 1994e, с. 329). Моралисты возводят эту склонность в принцип: «Предоставь глупцам спорить о лучшем правительстве; лучшее то, которое лучше управляет» — вспоминает Кант цитату из стихов английского поэта А. Поупа, использованную противником французской революции швейцарским публицистом Малле дю Паном (Кант, 1994c, с. 383).

Многие философы надеялись обнаружить свидетельства безусловного преобладания доброты в человеческой природе в условиях, близких к естественному состоянию:

Г-н де Люк, исследовавший население горных массивов от Швейцарии до Гарца, «где городская роскошь не могла иметь пагубного влияния на нравы, [...] приходит к такому выводу: человек — существо благожелательное и был бы совсем хорош [...], если бы не его дурная склонность к мелкому мошенничеству» (Кант, 1994d, с. 157).

Но уже во времена Канта, по свидетельствам путешественников было ясно, что от природы человек зол в том смысле, что «на основании опыта о нём нельзя судить иначе»:

«... проявления ничем не вызванной жестокости в случаях убийства на островах Тофоа, Новая Зеландия и Навигаторских и никогда не прекращающуюся жестокость в огромных пустынях Северо-Западной Америки (о чем рассказывает капитан Хирн), где никто не имеет от нее никакой пользы...» (Кант, 1994g, с. 33).

«Заправские юристы» («занимающиеся ремеслом, а не *законодательством*»⁶) «кичатся тем, что знают *людей* (этого, конечно, можно ожидать, потому что они имеют дело со многими), не зная, однако, *человека* и того, что из него можно сделать» (Кант, 1994c, с. 441). Та практика, которой они похваляются, — это *уловки*, к которым они прибегают, «думая лишь о том, чтобы, раболепствуя перед ныне господствующей властью (с целью не упустить своей частной выгоды), тем самым предать народ, а если возможно, и целый мир» (*там же*).

«Юрист, избрав символом права весы и рядом с ними символом справедливости меч, обычно пользуется мечом не только для того, чтобы оградить весы от всех посторонних влияний, но и для того, чтобы положить его на чашу, если она не захочет опуститься» (*там же*, с. 427).

Их обычный образ действий — способ «действия механизма по деспотически установленным законам принуждения» (*там же*, с. 441). Соответственно,

⁶ поскольку их дело применять законы, а не улучшать их.

на такой взгляд, свободы нет, и нет основанного на свободе морального закона; все, что происходит или может произойти, есть исключительно механизм природы, а политика — это искусство использовать его для управления людьми (Кант, 1994с, с. 435). Этой теорией человек подводится под один класс с остальными *живыми машинами* (там же). Удивительным образом коррелирует с этим точка зрения просветителя и коммерсанта Моисея Мендельсона⁷ на нравственную историю человечества — Кант оспаривает её в сочинении «О поговорке...», откликаясь на опубликованный за 10 лет до того «Иерусалим». Позиция Мендельсона, как напомним Кант позднее в «Споре факультетов», называется «абдеритизм»:

«Человек идет вперед; но человечество как бы постоянно колеблется, двигаясь то вверх, то вниз в установленных пределах; однако, рассматриваемое в целом, оно во все периоды *сохраняет приблизительно одну и ту же ступень нравственности*, одну и ту же меру религиозности и безрелигиозности, добродетели и порока, счастья (?) и несчастья» (Кант, 1994е, с. 335).

Позиция Канта (он не даёт ей названия) состоит в том, что прогресс совершается, хотя и не без остановок или провалов, и без прочных гарантий, но с высокой вероятностью продолжения (Кант, 1999, с. 194, 196).

По наблюдению Канта, «каждый уверен относительно себя самого, что он свято хранил бы понятие права и верно следовал бы ему, если бы мог ждать того же от каждого другого. Но так как каждый, будучи хорошего мнения о себе самом, предполагает у всех других дурные намерения, то они выносят друг другу такой приговор: все другие люди *фактически* немногого стоят» (Кант, 1994с, с. 447). «Разумные существа в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из них втайне хочет уклоняться от них» (там же, с. 419). «На словах люди воздают понятию публичного права как таковому все подобающие почести, если даже им приходится выдумывать сотни уверток и отговорок, чтобы уклониться от него на практике» (там же, с. 447). Это «глубоко скрытая недобросовестность»: «человек ухитряется извращать даже *внутренние* свои высказывания перед лицом собственной совести» (Кант, 1994d, с. 157)⁸. Недобросовестностью Кант называет также склонность к смешению неморальных мотивов с моральными (Кант, 1994g, с. 29). Он отмечает, что даже самый худший человек не отрекается от морального закона как мятежник, не полностью отказывается повиноваться ему (там же, с. 37). Однако, будучи привязаны также к мотивам чувственности, люди принимают в свою максиму (случайное) отступление от морального закона по субъективному принципу себялюбия, потому что считают каждый из этих мотивов сам

⁷О влиянии Мендельсона на Канта см. Flikschuh, 2007, pp. 223–241; Guyer, 2000, pp. 17–59; Арндт, 2011, с. 93.

⁸«Искренность стала, пожалуй, свойством, от которого природа человеческая удалась чуть ли не дальше всего. [...] А между тем только через искренность могут иметь истинную внутреннюю ценность все остальные свойства, поскольку они покоятся на принципах» (Кант, 1994g, с. 156). Искренность позволяет осознавать моральный закон в его чистоте.

по себе достаточным для определения воли (Кант, 1994g, с. 37). Наклонность ко злу переплелась с человеческой природой (там же, с. 30). Но основание злого находится не в чувственности (с которой мы ничего не можем поделать), а в свободе, — точнее, в правиле применения своей свободы, которое устанавливается произволением и определяет высшее основание принятия и соблюдения максим (там же, с. 32).

Итак, выбирая в оценке человеческой природы лишь её негативные стороны, политик и юрист сам проявляет те «особенности устройства психики» (Хизанишвили, 2014a, с. 134), которых он опасается в других людях. К тому же, разумеется, он поступает так в своих интересах («политический морализм» [Кант, 1994c, с. 435]). Этот выбор не детерминирован природой, он свободный, и Кант призывает к ответственности и к развитию моральных задатков⁹:

«Наши политики [. . .] преуспевают в деле пророчества. „Нужно брать людей такими, — говорят они, — каковы они есть, а не такими, какими их представляют себе далекие от жизни педанты и благодушные мечтатели“. Но это *каковы они есть* означает: таковы, какими сделали их мы сами, несправедливо притесняя их, *устраивая* предательские, играющие на руку правительству заговоры, а именно — упрямыми и склонными к возмущению; поэтому-то, как только власти немного отпускают бразды правления, и происходят печальные события, подтверждающие пророчества этих якобы умных государственных мужей» (Кант, 1999).

«Фридрих II спросил однажды достойного Зульцера, [. . .] которому поручил управление учебными заведениями в Силезии, как там идут дела. Зульцер ответил: „С тех пор, как мы стали исходить из принципа Руссо, что человек от природы добр, дело обстоит лучше“. „Ah! (сказал король) *mon cher Sulzer, vous ne connaissez pas assez cette maudite race, a laquelle nous appartenons*“¹⁰. [. . .] Если [. . .] мораль не предшествует религии, то [. . .] это зло неизбежно искажает характер и побуждает управлять при помощи *обмана* (называемого государственной мудростью); упомянутый великий монарх, *публично* объявляя себя лишь высшим слугой государства, не мог в частном высказывании со вздохом не признаться в противоположном, оправдывая себя тем, что эту испорченность следует приписать дурной *расе*, именуемой человеческим родом» (Кант, 1994a, с. 375).

Изобразим выявленные пути обоснования практических принципов в виде схемы (когнитивной карты — рисунок 1). Выше в первой группе описаны преимущественно конечные представления, в третьей — преимущественно первые

⁹Средства к этому — проведение реформ, поощрение легальности поведения и устранение причин войн (Кант, 1999). Дальнейший моральный (научный, технический. . .) прогресс, который пойдёт на основе легального, Кант в «Споре факультетов» связывал больше с провидением, чем с просвещением — тезис, который упустил А. Вуд в статье о «необщительности», которая во многом пересекается с нашей темой (Wood, 1998).

¹⁰«Ах, мой друг Зульцер, вы недостаточно хорошо знаете эту проклятую расу, к которой мы принадлежим» (примеч. издателей).

причины. И тех, и других в нашем случае несколько. Убеждение представлено как теоретическое, хотя все конечные представления, кроме «вечности войны» (ВВ), легко переформулировать как практические принципы. Факторы представлены в таблице 2. Все выявленные связи положительные. Недостатком карты можно считать то, что она объединяет субъективные оценки и объективно наблюдаемые (Кантом) психологические свойства. В группу субъективных оценок попало и то, что приписано собирательным образам, и то, что встречается в текстах конкретных авторов. Несмотря на различные источники, в карте факторы выглядят довольно однородно. При их формулировке мы постарались в некоторой степени сохранить авторскую риторику, а её особенность в том, что характеристики убеждений оппонента очень часто не только описательные, но и одновременно оценочные. К представлениям самих «политика и юриста» мы добавили философско-политический принцип стремления к счастью, психологические свойства неискренности перед собой и смешения моральных и чувственных мотивов; к «злонамеренности», известной политикам, прибавляется «жестокость» человека из философской антропологии; а стремление к «способу действия механизма», как указывает Кант, сопряжено с «уловками» ради собственной выгоды. Связи между представлениями либо напрямую указаны в тексте, либо семантически очевидны, порядок следования близок к дедуктивному.

Обозначение	Фактор	Функция
СМ	Смешение мотивов	ПП
ЗП	Злонамеренность человеческой природы	ПП
НС	Неискренность перед самим собой	ПП
УП	Уважение к праву	ПП
ЖП	Желание добиться превосходства над другими	ПП
КС	Консервативность	ПП
ПЗ	Подозрительность	У, П
СС	Стремление к счастью как мотив для доброты	ПП
ВУ	Стремление втайне уклониться от права	П
ЗЛ	Знание людей	П
НД	Неспособность к добру	П
ОП	Отсутствие нравственного прогресса	П
ПВ	Принуждающая власть как начало публичного права	П
СП	Оправдание преступлений слабостью человеческой природы	П
ПС	Право как преимущество сильного перед слабым	П
ВЛ	Стремление сохранить всю полноту власти	П
МД	Механистически-деспотический порядок	П
ДБ	Долг как благоволение	П
ЧД	Честолюбие, военная доблесть	П
МГ	Свобода и могущество государства	П

ИС	Использование случая для самовластного захвата	П
ВВ	Справедливость войны, вечность войны	КП
ДГ	Нарушение договоров (и стремление к нему)	КП
РВ	«Разделяй и властвуй...»	КП
ИП	Инструментализация подданных государства	КП

Таблица 2: Факторы модели адресата убеждения

ПП — первая причина, КП — конечное представление П — посредствующий фактор, У — условие действия посредствующего фактора

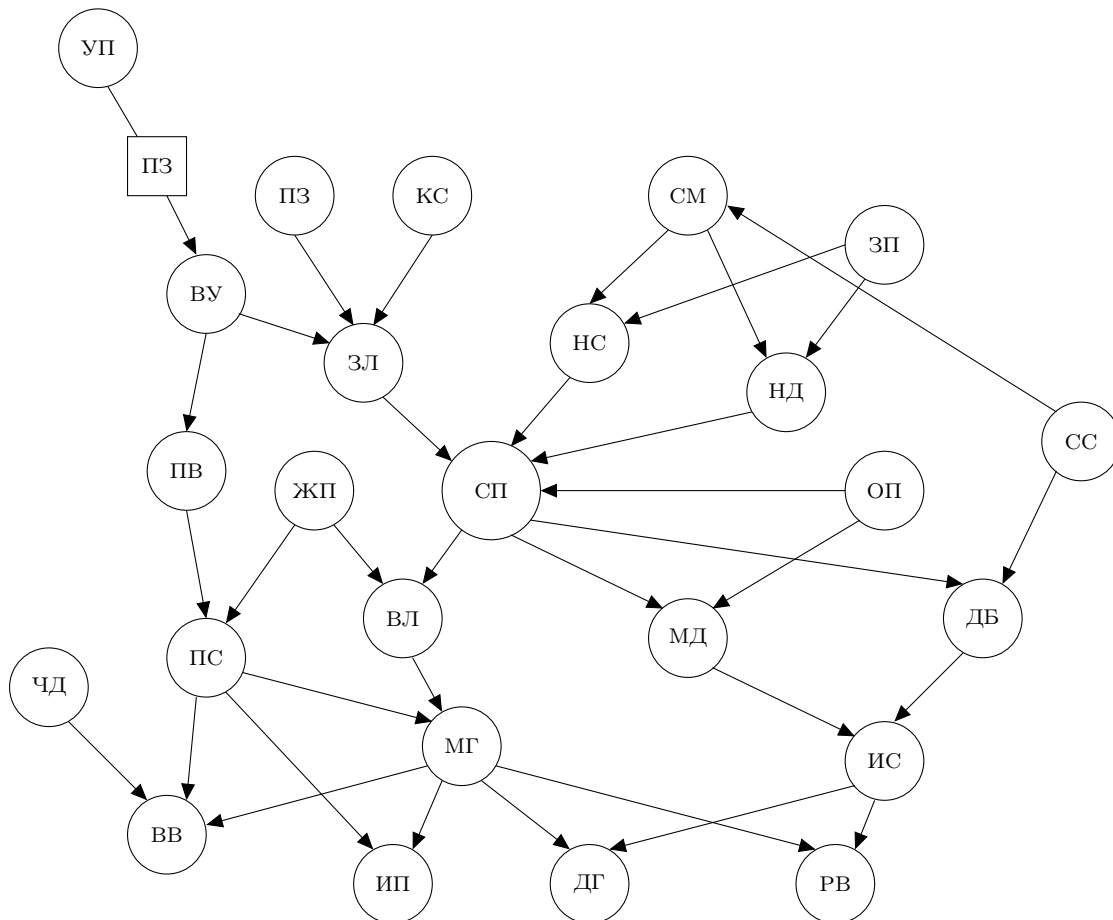

Рис. 1: Модель адресата: связь представлений

3 О наборе аргументов («формулы публичности»)

Если говорить об изученности политической философии Канта с точки зрения когнитивного подхода, то, как нам представляется, основное внимание историков философии уделено набору аргументов. Поэтому мы сочли интересной

задачу обратиться к модели адресата. Но набор аргументов в проекте вечного мира имеет сложную структуру, он содержит такие загадочные компоненты как «трансцендентальные принципы публичного права». Чтобы несколько приблизить нашу модель аргументации к полноценной, рассмотрим именно этот компонент как набор аргументов. В этом случае удаётся гораздо больше придерживаться текста — «приложения» трактата о вечном мире. Разница в масштабах объектов привела к тому, что не удалось составить модель набора аргументов с преобладанием тех же факторов, которые выделены в модели адресата.

Главным тезисом выбираем (упрощённое) суждение «Вечный мир наступит в состоянии публичного права» (Кант, 1994с, с. 477). Принцип публичности формулируется лишь в последнем разделе трактата «К вечному миру», но неявно присутствует уже с первых страниц. *Первая предварительная статья* направлена против того, что мирные договоры тайно сохраняют старые претензии, и тем самым создают неочевидные, но легко извлекаемые основания для будущей войны. *Вторая предварительная статья* критикует династические браки: они всегда служат увеличению могущества только одного из государств — а это, во-первых, равнозначно завоеванию, а во-вторых, изначально является целью таких сделок, но не афишируется. *Пятая предварительная статья* запрещает интервенцию, по той причине, что вмешательство во внутренний гражданский конфликт угрожает суверенитету государства, подобно завоеванию. *Шестая предварительная статья* объявляет вне закона средства ведения войны, которые готовятся не иначе как тайно, а часть из них вдобавок основана на недоверии к чужому образу мыслей («ложное приписывание злых намерений»). *Первая окончательная статья* предписывает вынесение вопроса о вступлении в войну на всенародное голосование. *Вторая окончательная статья* предписывает строить международное право на федерализме свободных государств для публичного обсуждения и законного разрешения их споров. *Третья окончательная статья* предписывает ограничить право всемирного гражданства «правом посещения», которое основано на доверии к гостям государства. А самим гостям оно запрещает враждебные (опять же, тайные) намерения по отношению к хозяевам территории. В *Приложении I* отмечается, что несправедливость всегда пытаются оправдать, не могут публично отказать понятию публичного права во всяком уважении» (там же), поскольку это вызвало бы всеобщее сопротивление. В *Приложении II*, в продолжение *Тайной статьи*, Кант предполагает, что философия легко парализовала бы коварство политики тем, что раскрыла бы публике скрытые истинные принципы и мотивы действий.

Моделируемый фрагмент текста (Кант, 1994в, с. там же, с. 453, 455, 461, 463, 467, 473, 475, 477):

«Стремитесь прежде всего к царству чистого практического разума и к его справедливости, таким путем ваша цель (благодеяние вечного мира) приложится сама собой». [...] необходимо внутреннее устройство государства, организованное по чистым принципам права, и, кроме того, объединение государства с соседними или даже с отдалёнными государствами [...] для законного решения их споров.

[...] Если публичное право [...] я абстрагирую от всей его *материи* [...], то у меня еще останется *форма гласности*.

[...] можно назвать *трансцендентальной формулой* публичного права следующее положение: «Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с гласностью». [...] В самом деле, максима, которую [...] непременно надо *скрыть*, чтобы она имела успех, [...] может иметь источником [...] противодействия всех против меня только несправедливость, которой она угрожает каждому. [...] если глава сознает, что он обладает *неодолимой* верховной властью (это и должно быть признано в каждом гражданском устройстве, потому что тот, кто не имеет достаточно власти, чтобы защитить каждого из подданных от другого, не имеет также права и повелевать ему), то ему нечего опасаться повредить собственной цели обнародованием своей максимы [...]

Что касается международной права, то речь о нем может идти только при наличии какого-нибудь правового состояния [...]. Этот *status iuridicus* должен проистекать из какого-нибудь договора [...] который во всяком случае может быть договором *постоянной свободной* ассоциации [...]. Принцип несовместимости максим международного права с гласностью представляет собой, конечно, хороший показатель *несогласованности* политики с моралью (как учением о праве). [...] нельзя делать обратный вывод, что те максимы, которые совместимы с гласностью, тем самым справедливы [...] согласие политики с моралью возможно только в федеративном союзе [...]

[...] трансцендентальный и положительный принцип публичного права, формула которого должна быть такой: «Все максимы, которые *нуждаются* в гласности [...], согласуются и с правом, и с политикой». В самом деле, если эти максимы могут достигнуть своей цели только благодаря гласности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) — истинная задача политики. Но если эта цель достижима *только* благодаря гласности, т. е. благодаря устранению всякого недоверия к политическим максимам, то они должны быть в согласии также и с правом общества, так как только в праве возможно соединение целей всех. [...] Если осуществление состояния публичного права... есть долг [...] то *вечный мир* [...] есть [...] задача, которая постепенно разрешается».

Поскольку стиль Канта в большинстве его сочинений, несмотря на тяжеловесность, относится к рациональным, попробуем сначала составить модель средствами классической логики высказываний, в дополнение к имеющемуся опыту (Брюшинкин, 2009b, с. 19). Выделенный фрагмент, растянутый в оригинале на несколько страниц, вполне поддается формализации. Громоздкость дерева компенсирована тем, что все пробелы, начиная с искусственно реконструированного главного тезиса, восполнены логическими средствами. Сужде-

ния, не имеющие текстовых соответствий, обозначены квадратными скобками (рисунок 1). «Состояние публичного права», судя по тексту, характеризуется двумя аспектами: 1) не используются те максимы, которые нуждаются в неразглашении, но используются те, которые либо нуждаются в разглашении, либо хотя бы допускают разглашение; 2) государства объединены по договору в постоянную свободную ассоциацию для законного решения споров.

Исходные суждения:

p — максимы пригодны для политики

q — наступает вечный мир

r — максимы справедливы

s — максимы нуждаются в разглашении

t — максимы допускают разглашение ($\neg t$ — не допускают)

u — публика становится счастливой

v — максимы вызывают доверие

w — международные отношения находятся в правовом состоянии

x — осуществляется соединение целей всех

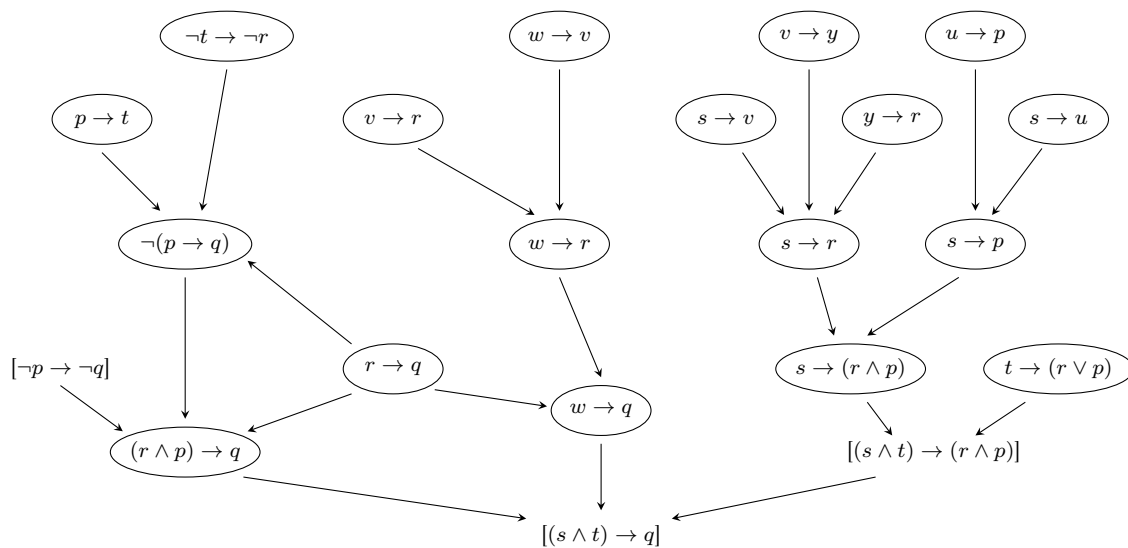

Рис. 2: Логическая карта аргументации

Теперь применим метод когнитивного картирования (опыт составления когнитивных карт для текста Канта также уже имеется [Лемешевский, 2013]). Целевое убеждение связываем не с «состоянием публичного права», а с гласностью, к которой призывает «положительный трансцендентальный принцип публичного права». Построенная когнитивная карта (рисунок 3) показывает

связь между целью вечного мира и гласностью как средством её достижения, убеждение представлено как теоретическое. Связи между факторами здесь разнообразны. Эта карта не выглядит проще, чем логическая, но позволила расширить моделируемый фрагмент. В набор факторов (таблица 3) введены опоры убеждения, которые не удалось учесть в наборе суждений логической карты. Рассмотрим их подробнее.

Насколько серьёзной была надежда Канта на то, что политический деятель, образ мышления которого мы пристально рассмотрели выше, будет прибегать к «тесту на публичность» в процессе принятия решений? Некоторые шансы есть¹¹. Во-первых, что касается «негативного принципа», описан пример того, как работает неискоренимое, по мнению Канта, «уважение к праву»:

«Почему еще ни один властитель не осмелился открыто заявить, что он не признает никакого *права* народа по отношению к себе, что народ обязан своим счастьем исключительно *благоденствиям* правительства, которые оно ему оказывает, и что всякое притязание подданных на право выступать против него (потому что оно содержит понятие дозволенного сопротивления) является нелепым и даже наказуемым? Причина в следующем: подобное публичное заявление вызвало бы возмущение всех подданных, несмотря на то, что они, как послушные овцы, ведомые добрым и разумным господином, облагодетельствованные и надежно защищенные им, ни на какое ущемление своего благополучия не жаловались. Ибо существу, наделенному свободой, мало одного только наслаждения благами жизни, которые оно может получить и от других (в данном случае от правительства). Здесь все дело в *принципе*, на основе которого оно ими пользуется. А благополучие беспринципно и для того, кто им пользуется, и для того, кто его доставляет (один полагает его в одном, другой — в другом), потому что главное — в *материальном* начале воли, которое эмпирично и не может быть подведено под общее правило» (Кант, 1999, с. 204).

Эта цитата поясняет и «положительный принцип», который опирается на то, что политика стремится сделать общество счастливым — и реализация намерений, которые требуют разглашения, как раз выполняет эту задачу, а с правом они согласуются потому, что, устраняя недоверие, воплощают общую волю, в которой соединяются «цели всех». Единство целей требуется не «дистрибутивное», а «коллективное», формальное¹². Абстрагируясь от «учения о

¹¹Обзор сомнений в убедительности и эффективности принципа представлен в (Зильбер, 2016), см. тж. (Funaba, 2009) В качестве противовеса всем этим сомнениям упомянем статью (Rossi, 1998).

¹²Это подчеркивает К. Дирксмайер (Dierksmeier, 2009), критикуя при этом Х.-Г. Шмитца (Schmitz, 1990) за то, что тот увидел (и одобрил) в ориентации на счастье разворот политической философии Канта к благоразумию. Мы воздержимся от поддержки этой критики, хотя дополнительные аргументы к ней можно найти в статье А. К. Судакова (Судаков, 1995). Шмитц вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает, что целый ряд важных тезисов трак-

счастье» как материи публичного права, мы получаем в остатке «форму гласности» («всеобщей законосообразности») (Кант, 1994с, с. 447). Хотя конкретные представления о счастье имеются и у правителей, как мы видели выше, и у народа, как известно из «Спора факультетов» (Кант, 1999, с. 74).

Юристы ради своей выгоды (Кант, 1994с, с. 441) придумывают сотни уловок (там же, с. 477), и Кант желает не только посрамить их ухищрения, но и заманить простотой своего принципа (там же, с. 449, 451, 461, 465), его прямым и безусловным соответствием тем целям, которые якобы есть у адресата: согласовать политику с моралью и достичь вечного мира. Обычно следуют «материальному» принципу (стремятся к благополучию). Для этого приходится учитывать опыт организации государств, которые лучше всего сохранились, и использовать обширные познания о механизме природы, которые «в итоге не дают ничего определённого в отношении вечного мира» (там же, с. 451). Категорический императив выглядит проще, но едва ли он принесёт желаемую выгоду. Простота — ценность или установка адресата аргументации, а выгода — интерес, и Кант учитывает обе эти опоры.

Как мы помним, главная ценность правителей — могущество, и спасения от него нет, если все договоры заключаются в естественном состоянии: неизбежно *reservatio mentalis*; и на *potentia tremenda* правомерно реагировать превентивным нападением; и *peccatum philosophicum* считается легко извинительной мелочью. Вынудить признание, что оправдываясь моральными учениями или правовыми кодексами, на самом деле ратуют не за право, а за силу — ещё не значит положить конец той несправедливости, которую прикрывают этой софистикой (там же, с. 447). Встать на путь выхода из естественного состояния и начать двигаться к «состоянию публичного права» — возможно только в рамках свободной ассоциации, в которой межгосударственные споры обсуждаются и решаются публично. Должна появиться внешняя публика, противодействия которой правители будут опасаться так же, как внутренней, а в чём-то даже более: «великие державы не смущает мнение простых смертных, они стыдятся только друг друга». В первом и втором разделе «Спора факультетов» Кант очень сдержанно оценил шансы на рациональную организацию «движения к лучшему» человеческого рода путём просвещения (Кант, 1999, с. 220). При этом он имел ввиду прежде всего внутреннюю политику. Вероятно, характер и интересы той «публики», которая представляет государства на международной арене, несколько иные, чем у народа в целом, по крайней мере, в эмпирических проявлениях и в рамках соответствующих процедур.

В совокупности (по обоим когнитивным картам) в представлениях адресата выявлены следующие опоры убеждения:

- *ценности*: твёрдая верховная власть, свобода, благополучие и могущество государства, личное счастье, порядок;

тата о мире представляют собой гипотетические императивы. Мы не торопимся осуждать эту тактику Канта, поскольку в когнитивном подходе более чем уместно построение набора аргументов с учётом убеждений адресата — а в политической действительности гипотетические императивы, конечно же, всегда имеют место.

- *интересы*: доверие со стороны партнёров (граждан и их представителей), удовлетворённость общества своим состоянием, собственная выгода, власть, сила;
- *психологические установки*: простота и аксиоматичность принципов, благоволение, консервативность, слабость человеческой природы, знание людей, подозрительность.

Политика непросто убедить ориентироваться на общечеловеческий разум, функционирующий в публичном пространстве (Зильбер, 2016, с. 42). Однако его ориентация на доверие означает стремление не только к реализации эмпирических целей народа, но и к правовым гарантиям, — эта черта заслуживает положительной оценки, можно считать её проявлением некой юридической рациональности. Граждане государства, что касается внешней политики, заинтересованы в личной безопасности (сохранность здоровья и имущества). Ей соответствует возможность участия в решении вопроса о вступлении в войну.

Обозначение	Фактор	Функция
ВМ	Вечный мир	ПП
ПР	Потребность в разглашении	КП
ДР	Допущение разглашения	П
НР	Недопущение разглашения	П
ВП	Всеобщее и необходимое противодействие	П
БС	Благополучие и счастье каждого государства	П
СЦ	Согласование принципов с целью политики (интересами политика)	П
ФП	Формальный принцип	П
МП	Материальный принцип	П
НЦ	Независимость от намеченной цели	П
ЗЦ	Зависимость от намеченной цели	П
ПА	Простота и аксиоматичность	П
СЭ	Сложность (неясность, неопределённость) и эмпирический характер	П
НД	Неспособность к добру в человеческой природе	П
МР	Мораль [как учение о праве]	П
ОВ	Общая воля	П
ЦВ	Соединение целей всех	П
МЦ	Механистический взгляд на общество как политическую систему	П
ТВ	Твёрдая верховная власть	П
ФЗ	Форма всеобщей законосообразности	П
СВ	Свобода	П
РА	Равенство	П
СМ	Самостоятельность	П
УП	Удовлетворение публики	П

ПС	Правовое состояние отношений между индивидами и государствами	У
УН	Устранение недоверия к намерениям политиков	П
ГЛ	Гласность	П
ВП	Противодействие (необходимое и всеобщее)	П

Таблица 3: Факторы набора аргументов

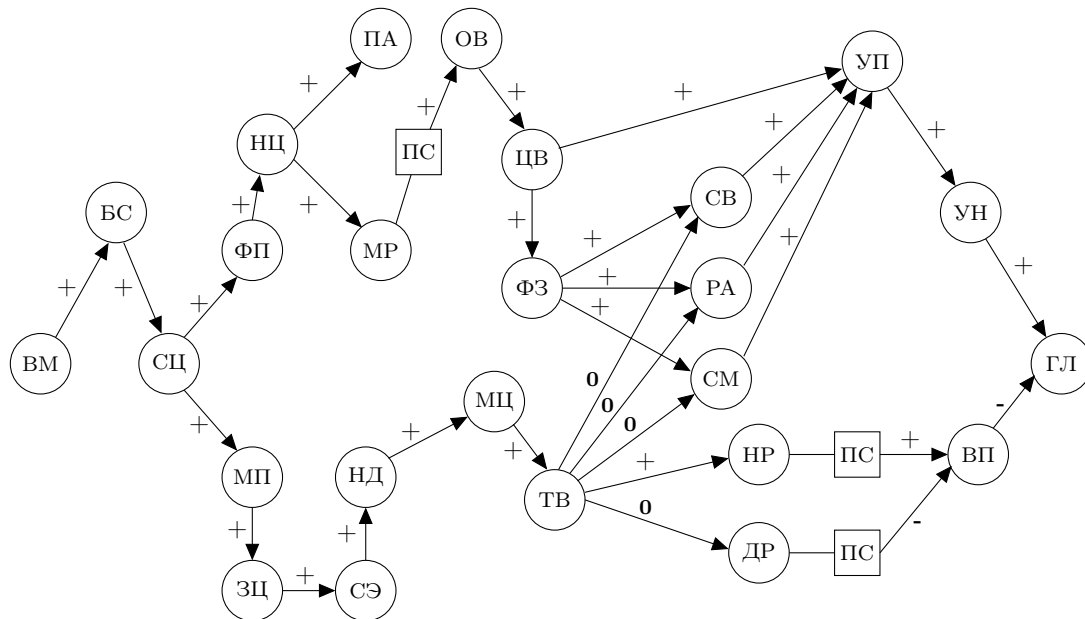

Рис. 3: Когнитивная карта набора аргументов

4 Антропология моральная и ботаническая

Значение составленных моделей хотелось бы оценить в свете реконструкции всей системы практической философии Канта, и прежде всего, структуры этой системы. Проследивая представления об адресате аргументации и рисуя очерк теории принятия политических решений, мы оказались в некоей особой области знания. В современной классификации её можно отнести к психологии, к теории принятия решений, к политической антропологии. Эмпирическими наблюдениями Кант пользуется при оценке вероятной судьбы неосторожных монархов-реформаторов, прямой демократии и всемирной монархии, которой не отказалось бы стать каждое государство (Кант, 1994g, с. 35), и даже своего собственного проекта¹³. Он придаёт большое значение реакции публики на революцию во Франции и учитывает мнение народа об организации образования.

¹³ «Очень заманчиво мыслить такие конституции, которые отвечали бы требованиям разума (главным образом в правовом отношении), но предлагать их *рискованно*, а подстрекать народ к ликвидации уже существующей *заслуживает наказания*».

Эмпирические наблюдения иллюстрируют политический принцип публичности, подкреплённый гносеологическими соображениями. Хотя из первой «Критики» (Кант, 2006, с. 1063) мы узнаём, что «эмпирическая психология еще не настолько богата, чтобы самостоятельно составить предмет изучения [...] она лишь пришелец, который пользуется приютом до тех пор, пока не создаст себе собственное жилище в обстоятельно разработанной антропологии (составляющей подобие эмпирического учения о природе)».

В публикациях, лекциях и письмах Кант упоминает несколько разновидностей антропологии (Васильев, 2010, с. 341). Как объясняет В. В. Васильев (там же, с. 337-343),

Иногда Кант высказывался в том духе, что эмпирический психолог должен открывать частные законы психической жизни. В реальности, однако, при изложении эмпирической психологии Кант обычно ограничивался описанием основных душевных способностей. [...] За термином «эмпирическая психология» у Канта скрываются две разные дисциплины: учение о каузальной связи явлений внутреннего опыта и дескриптивная наука о всеобщих формах внутреннего опыта, т. е. о душевных способностях. Говоря о специфике эмпирической психологии, Кант апеллирует к первой, но практикует вторую. [...] В зимнем семестре 1772–1773 годов он начал чтение частных лекций по эмпирической психологии, решив назвать этот курс «антропологией». [...]. Антропология состоит, по Канту, из трансцендентальной и эмпирической части. Эмпирическая основана на опыте и включает в себя теоретический и прагматический разделы. Ядром теоретической, или схоластической, антропологии является эмпирическая психология. [...] Прагматическая антропология использует не все наработки и дефиниции эмпирической психологии, а лишь те, которые допускают практическую интерпретацию.

Итак, Кантова «психология» к нашим штудиям фактически не имеет отношения, равно как и прагматическая антропология, которая показывает, каким человек делает или должен делать себя сам, как свободное существо. «Знание света», которым бравитурет «государственный муж», входит в *эмпирическую* антропологию (Schmidt, 2007, pp. 167, 174). Она представлена и в «Антропологии с прагматической точки зрения», и в лекциях по педагогике¹⁴, и, в виде наблюдений за чувством прекрасного и возвышенного, в «Критике способности

«Атлантида» Платона, «Утопия» Мора, «Океания» Харрингтона и «Севарамбия» Алле появлялись на свет постепенно, но попытки к их осуществлению никогда (за исключением неудачливого ублюдка деспотической республики *Кромвеля*) не предпринимались. — Судьба этих государственных творений оказалась такой же, как и судьба сотворения мира: ни один человек не присутствовал при этом, да и не мог присутствовать, так как в этом случае он был бы творцом самого себя. Питать надежду на то, что когда-либо, пусть даже поздно, государство, как оно здесь мыслится, будет осуществлено, есть сладкая мечта; но постепенное приближение к нему не только мыслимо, но и, насколько это совместимо с моральным законом, есть долг, долг не граждан, а главы государства» (Кант, 1999, с. 218). Отметим, что в названиях Кант не очень точен (см. примеч. издателей на с. 282).

¹⁴Изданы Ринком в 1803 г., переведены на русский.

суждения». Обобщённые описания характеров пола, наций и сословий стали объектом обоснованной критики уже со стороны Гёте и Шлейермахера, которая сегодня дополняется критикой за полную непрозрачность методологии наблюдений (Schmidt, 2007, pp. 172–173). Но более всего описанные нами свойства, равно как и умеренный оптимизм в философии истории, тяготеют к области *моральной* антропологии. Это «учение о субъективных — как препятствующих, так и благоприятствующих — условиях *исполнения* законов метафизики нравов в человеческой природе [...] и другие подобные учения и предписания, основывающиеся на опыте; без моральной антропологии нельзя обойтись»¹⁵ (Кант, 1994с, с. 51, 53).

Вторым итогом нашего исследования должно стать некоторое прояснение источников образа адресата. В целом круг источников информации, разумеется, весьма широк и размыт, и в число заметных адресатов входит, наряду с конкретными авторами и профессиональными кругами, вся читающая публика. Здесь мы сосредоточимся на главных объектах полемики (некоторых уже упоминали в разделе 2). Кант критикует оправдание нападения ссылкой на философско-правовые кодексы, которые не исключают права на войну и гонку вооружений, и лишь пытаются урегулировать, смягчить принципы её ведения («плохие утешители» [там же, с. 389]). На поверку этой оценки заслуживает только кодекс Ваттеля¹⁶; Пуфендорф и Гроций упомянуты «за компанию», Кант вряд ли был хорошо знаком с их сочинениями (Cavallar, 2005). О политике короля Фридриха Великого выше уже упоминалось, некоторые её принципы защищал от философской критики Х. Гарве (Cavallar, 1992, S. 249). Фридрих, наряду с австрийским императором Иосифом II — главная основа образа просвещённого монарха (ebd., 87ff.). Предположения (Сологубов, 2006, с. 16–17) о влиянии на трактат о мире тех статей, которые появились в ответ на трактат Канта о теории и практике — не подтверждаются сравнением текстов (Gentz, 1967; Rehberg, 1967). Их авторы Генц и Реберг возражали Канту мягко и обстоятельно, отстаивали роль чувственных влечений и неморальных мотивов в природе человека, почти не касались внешней политики и не восхваляли могущество государства и величие правителя. Впрочем, круг возможного поиска этим не исчерпывается¹⁷: явным фоном, на котором создавались политические трактаты Канта, было развитие революции во Франции, высшие факультеты университета, равно как и священнослужители и дворянство, теряли свой вес в глазах общественности (Brandt, 2003, S. 80, 136). Трактат «О поговорке...» по-

¹⁵Продолжение цитаты: «но она ни в коем случае не должна быть предпослана метафизике нравов или смешана с ней. Ибо иначе рискуют ввести ложные или по меньшей мере снисходительные моральные законы, изображающие недостижимым то, что не достигается лишь поскольку закон не был осознан и представлен во всей своей чистоте». Отметим, что собранный нами материал опровергает те печальные замечания и скептические выводы об антропологических основаниях Кантовой этики, к которым пришёл А. Вуд (Wood, 1998).

¹⁶Более (но не абсолютно) полный список упомянутых Кантом оппонентов и пропонентов в вопросе о возможности «справедливой войны» — около десяти имён — приведён в (Busch, 1979, S. 163).

¹⁷Было бы актуальной задачей внимательнее рассмотреть трактат о вечном мире в контексте стиля и содержания сочинений Ю. Мёзера, Э. Кестнера, Э. Бёрка (Сологубов, 2006, с. 16–17).

явился в разгар дискуссии на страницах «Берлинского ежемесячника» по проблемам естественного права, которая разгорелась после публикации в 1791 г. «Всеобщего свода прусских законов», проникнутого духом политического патернализма (Сологубов, 2006, с. 16–17). В трактате о вечном мире главным явным оппонентом является Х. Гарве с его сочинением 1788 года¹⁸. Это небольшое приложение в объёмистом комментарии Гарве к сочинению Цицерона «Об обязанностях» (Garve, 1788). Неявным компонентом модели адресата является макиавеллизм в его широком смысле¹⁹. Принципы «морального политика» прямо противоположны принципам «государя» (Williams, 1983, pp. 46–49). Соответственно, противоположны и их решения вопроса о соотношении морали и политики, из которых «возникает дискурс без прямых ссылок, который в определённой степени до сих пор не завершён» (Thaler, 2008, S. 33). Явные упоминания Макиавелли у Канта мы встречаем в черновых набросках к трактату о теории и практике («Гоббс и его макиавеллизм» (Kant, 1955, S. 134)) и в лекциях по моральной философии 1784 г. (*Naturrecht Feyerabend*, 1979, S. 1392). Несомненно, Макиавелли оценивал природу человека столь же пессимистично, как Фридрих в вышеприведённой цитате. Кант в этом смысле спорит с «эвдемонизмом» Лессинга (постоянный моральный прогресс), с «моральным терроризмом» (неуклонный регресс ко злу) и с «абдеритизмом» (постоянство в виде колебаний или вращения вокруг одной точки), на стороне которого, по оценке Канта, пожалуй, большинство, и к которому можно причислить вышеупомянутую позицию М. Мендельсона (Кант, 1999, с. 194, 196).

Что касается профессиональной принадлежности упомянутых авторов, то не они стали прообразом «заправского юриста», но большинство из них так или иначе работали на юридическом поприще. *Г. Гроций* — адвокат, правовед, историограф; *С. Пуфендорф* — правовед и историограф; *Э. Ваттель* изучал гуманитарные науки и философию, был посланником на дипломатической службе; *М. Мендельсон* — коммерсант и общественный деятель; *Х. Гарве* — философ-популяризатор, помимо философского, получил юридическое образование; *Ф. фон Гени*, который представил немецкой публике консервативные идеи *Э. Бёрка* — чиновник и писатель, учился на юридическом факультете (не окончил) и причисляется к узкому кругу учеников Канта; сам *Э. Бёрк*, первый критик идеологии французских революционеров, учился на юридическом факультете (не окончил), работал в английском парламенте; *А. Реберг* — госслужащий, философ и публицист.

Третья область, для которой значимы полученные результаты — реконструкция Кантовой модели мира²⁰, здесь мы успеем затронуть только вопрос о её общем характере и останемся на уровне выводов о картине мира. Рассмотрим два варианта, которые уже встречаются в исследованиях философии Просвещения и Канта: механицизм и органицизм. С одной стороны, Кант неоднократно

¹⁸Х. Уильямс уделил внимание ответу Канта на тексты Гарве в трактате «О поговорке» — в разделе, где речь идёт об этике, а не политике: Williams, 2000

¹⁹На эту тему см. тж. Sullivan, 1995; Lesser, 2014.

²⁰Выделяемое субъектом в предметной области множество представлений (например, знаковых) объектов и их базисные свойства и отношения (Брюшинкин, 2009а, с. 16). Пример реконструкции моделей мира — (Брюшинкин, 2009б, с. 51–59).

заявляет, что хорошее устройство государства уравнивает столкновение противоположных друг другу эгоистических склонностей, подобно атомарному порядку вещества. В наборе аргументов обнаруживается много подтверждений тому, что модель мира в Кантовой философии права — механистическая (Сологубов, 2004, 2005, 2006). Эти выводы подкрепляются исследованиями образов философской и художественной прозы других авторов XVIII века (Albus, 2001). Можно с уверенностью говорить о большом влиянии физики Ньютона на теоретическую и практическую философию Канта, особенно в докритический период (Kersting, 2009)²¹. Однако имеет место и обратное: правовые метафоры обнаруживаются в теории познания Канта (для разрешения метафизических споров требуется судья (Cavallar, 1992, 62ff.)). Критикуемый Кантом абдеритизм М. Мендельсона также видит общество наподобие кристаллической решётки, которая не разрушается от колебаний отдельных атомов. Наконец, следует учитывать, что в философии истории Кант применяет телеологический метод, который он развивает ввиду того, что отнюдь не всё в людях и окружающем мире поддаётся механистическому объяснению.

«Механизмом» и «вещью» Кант называет человека как животное: эта «живая машина» во власти инстинктов и тиранов, эгоистична и несчастна. Фридрих Великий в эссе 1777 года²² сравнил хорошо организованное правление с часовым механизмом, в котором всё подчинено одной цели (ebd., S. 93)²³. И эта цель не счастье граждан и не обеспечение их неотчуждаемых прав, а «процветание государства как целого», т. е. самоутверждение, увеличение власти и территории. Все подданные, в т. ч. король, подчинены этой цели как средства. Их олицетворяют образы смиренного домашнего скота (Кант, 1994f, с. 128). В таком же облике — кроткие овцы — предстают у Канта те люди, чья природа была бы лишена злого начала: с телеологической точки зрения, им незачем развиваться (Кант, 1994a, с. 93). Это негативные органические образы животных. Но Кантов идеал общественного прогресса выражен также органической метафорой: лес, в котором конкуренция деревьев за солнечный свет побуждает их расти всё выше (там же, с. 97). «Ботаническая антропология и физикалистское учение о государстве», — так характеризует сочетание двух образов А. Пинцани (Pinzani, 2011). Собранный нами материал склоняет к выводу, что в учении Канта о политике «ботаническое» не просто соседствует с физикалистским, а неизменно преобладает, и ненадолго упускается из виду лишь когда философ убеждает читателя в простоте и аксиоматичности принципов.

Список литературы

Арендт Х. О политической философии Канта: курс лекций. Лекция восьмая // Кантовский сборник. — 2011. — 2(36). — С. 90–94.

²¹См. тж. Брюшинкин, 1985.

²²Эссе «О формах правления и обязанностях правителя» написано на французском, в немецком переводе называется «Regierungsformen und Herrscherpflichten».

²³Ссылки на источники об отношении Канта к Фридриху и просвещённому абсолютизму: (Cavallar, 1992, S. 89).

- Брюшинкин В. Н.* Парадигмы Канта: логическая форма // Кантовский сборник. — 1985. — № 10.
- Брюшинкин В. Н.* Когнитивный подход к аргументации // Рацио.ru. — 2009а. — № 2. — С. 2–22.
- Брюшинкин В. Н.* Системная модель аргументации для фрагмента философского текста // Рацио.ru. — 2009b. — № 1. — С. 43–62.
- Брюшинкин В. Н.* Когнитивные карты наборов аргументов // Модели рассуждений—4. — Калининград, 2011. — С. 161–181.
- Васильев В. В.* Философская психология в эпоху Просвещения. — М., 2010.
- Зильбер А. С.* Насколько трансцендентальны Кантовы принципы публичного права? // Кантовский сборник. — 2016. — 1 (55). — С. 34–51.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 7. — М., 1994а.
- Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. — М., 1994b.
- Кант И.* К вечному миру // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. — М., 1994с.
- Кант И.* О неудачах всех философских попыток теодицеи // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 8. — М., 1994d.
- Кант И.* О поговорке: может быть, это верно в теории, но не годится для практики // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. — М., 1994е.
- Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 1. — М., 1994f.
- Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. — М., 1994g.
- Кант И.* Спор факультетов. — Калининград, 1999.
- Кант И.* Критика чистого разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. В 5 т. Т. 2. Ч. 1. — М., 2006.
- Кант И.* Метафизика нравов. Часть первая // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5.1. — М., 2014.
- Лемешевский К. В.* Построение когнитивной модели аргументации для фрагмента трактата И. Канта «К вечному миру» // Рацио.ru. — 2013. — № 11.
- Сергеев В. М.* Структура политической аргументации в «Мелийском диалоге» Фукидида // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. — М., 1986. — С. 49–63.
- Сологубов А. М.* Модель мира и последние основания аргументации // Модели мира / под ред. В. Н. Брюшинкина. — Калининград, 2004. — С. 109–118.
- Сологубов А. М.* Модели мира и метафоры в аргументации // Вестник РГУ им. И. Канта. — 2005. — № 3. — С. 27–34.
- Сологубов А. М.* Системная модель аргументации в практической философии И. Канта: дис. ... канд. / Сологубов А. М. — Калининград : РГУ им. И. Канта, 2006.
- Судаков А. К.* Кант: власть, мораль и насилие // Социальная философия и философская антропология / под ред. В. А. Кругликова. — М., 1995.
- Хизанишвили Д. В.* Когнитивный подход к аргументации и производство сообщений // Вестник БФУ им. И. Канта. — 2014а. — № 12. — С. 128–135.

- Хизанишвили Д. В.* Особенности когнитивного подхода к аргументации: аспекты моделирования // Известия УрФУ. Сер. 3. — 2014b. — 4(134). — С. 155–163.
- Albus V.* Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert. — Würzburg, 2001.
- Brandt R.* Antwort auf Bernd Ludwig: Will die Natur unwiderstehlich die Republik? // Kant-Studien. — 1997. — Jg. 88. — S. 229–237.
- Brandt R.* Universität zwischen Selbst- und Fremdbestimmung. Kants „Streit der Fakultäten“. — Berlin, 2003.
- Busch W.* Die Entstehung der kritischen Rechtsphilosophie Kants: 1762-1780. — Berlin, 1979.
- Cavallar G.* Pax Kantiana: systematisch-historische Untersuchung des Entwurfs „Zum ewigen Frieden“ (1795) von Immanuel Kant. — Wien, 1992.
- Cavallar G.* Lauter „Leidige Tröster“? Kants Urteil über die Völkerrechtslehren von Grotius, Pufendorf und Vattel // Allgemeine Zeitschrift für Philosophie. — 2005. — Jg. 30. — S. 271–291.
- Dierksmeier C.* Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff // Kants Lehre vom Staat und Frieden / hrsg. von H. Ottmann. — Baden-Baden, 2009.
- Flikschuh K.* Duty, Nature, Right: Kant’s Response to Mendelssohn in “Theory and Practice III” // Journal of Moral Philosophy. — 2007. — Vol. 4, issue 2. — Pp. 223–241.
- Funaba Y.* Der Gemeinspruch muss von der Philosophie zurückgewiesen werden // Philosophia Osaka. — 2009. — Jg. 4. — S. 85–97.
- Garve C.* Einige zerstreute Betrachtungen über die Moral der Politik // Garve C. Philosophische Anmerkungen und Abhandlungen zu Cicero’s Büchern von den Pflichten. Anm. zu dem dritten Buche. — Wien, 1788.
- Gentz F.* Nachtrag zu dem Raisonement von Herrn Professor Kant... // Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis / hrsg. von D. Henrich. — FaM., 1967.
- Guyer P.* Kant on Freedom, Law, and Happiness. — Cambridge, 2000.
- Kant I.* Vorarbeiten zu Über den Gemeinspruch. . . // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. XXIII. — Berlin, 1955.
- Kersting W.* “...das einzig taugliche Princip ein beharrliches Ganzes unter widersinnischen Köpfen möglich zu machen...” Kants Gemeinschaftsphilosophie vom commercium der Substanzen bis zum ethischen Staat // Logos. Anales del Seminario de Metafísica. — 2009. — Jg. 42. — S. 73–88.
- Lesser A. H.* Kant or Machiavelli? — 2014. — URL: <http://intertheory.org/kant-machiavelli-ahlesser.htm> (visited on 01/26/2016).
- Ludwig B.* Moralische Politiker und Teufliche Bürger. . . // Proceedings of the Eight International Kant Congress. Bd. I.1. — Milwaukee, 1995. — S. 71–88.
- Ludwig B.* Will die Natur unwiderstehlich die Republik? Einige Reflexionen anlässlich einer rätselhaften Textpassage in Kants Friedensschrift // Kant-Studien. — 1997. — Jg. 88. — S. 218–228.

- Naturrecht Feyerabend // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. XXVII 2.2. — Berlin, 1979.
- Pinzani A.* Botanische Anthropologie und physikalische Staatslehre. Zum Fünften und Sechsten Satz der Idee // Immanuel Kant. Schriften zur Geschichtsphilosophie / hrsg. von O. Höffe. — Berlin, 2011.
- Rehberg A. W.* Über das Verhältnis der Theorie zur Praxis // Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis / hrsg. von D. Henrich. — FaM., 1967.
- Rossi P. J.* Critical Persuasion: Argument and Coercion in Kant's Account of Politics // Recht, Staat und Völkerrecht bei Immanuel Kant / ed. by D. Hüning, B. Tuschling. — Berlin, 1998.
- Schmidt C. M.* Kant's Transcendental, Empirical, Pragmatic and Moral Anthropology // Kant-Studien. — 2007. — Vol. 98. — Pp. 156–182.
- Schmitz H. G.* Moral oder Klugheit? Überlegungen zur Gestalt der Autonomie des Politischen im Denken Kants // Kant-Studien. — 1990. — Jg. 81. — S. 413–434.
- Sullivan R.* Kant and Machiavelli // Proceedings of the Eight International Kant-Congress. Vol. I.2. — 1995.
- Thaler M.* Zwei Antipoden: Machiavelli versus Kant // Moralische Politik oder politische Moral? Eine Analyse aktueller Debatten zur internationalen Gerechtigkeit. — FaM., 2008. — S. 32–83.
- Tuschling B.* Die Idee des Rechts: Hobbes und Kant // Recht, Staat und Völkerrecht bei Immanuel Kant / hrsg. von D. Hüning, B. Tuschling. — Berlin, 1998.
- Weyand K., Lehmann G.* Ein Reinschriftfragment zu Kants „Streit der Fakultäten“ // Kant-Studien. — 1959. — Jg. 51. — S. 3–10.
- Williams H.* Kant and Machiavelli // Kant's Political Philosophy. — Oxford, 1983. — Pp. 46–51.
- Williams H.* Christian Garve and Immanuel Kant: Some Incidents in the German Enlightenment // Enlightenment and Dissent. — 2000. — Vol. 19. — Pp. 171–192.
- Wood A.* Ungesellige Geselligkeit: Die anthropologischen Grundlagen der Kantischen Ethik // Recht, Staat und Völkerrecht bei Immanuel Kant / hrsg. von D. Hüning, B. Tuschling. — Berlin, 1998.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер — аналитик Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, a-zilb@ya.ru.

Simplicity is Better Than a Plunder: Kant's Political Argumentation in Cognitive Approach

Andrey Zilberⁱ

ⁱImmanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad

Abstract: Kant's political arguments are analyzed and modeled using the method of cognitive approach. A formalized ontology of addressee's representation and set of arguments is built. This allows to clear up a sphere of the main sources for the addressee's representation, as well as general type of the "model of the world" for Kant's empirical and moral anthropology in their use in political issues.

Keywords: cognitive maps, addressee of persuasion, set of arguments, Kant, moral anthropology, empirical anthropology, Machiavellianism, mechanicism, organicism, abderitism, political anthropology, perpetual peace.

References

- Albus, V. (2001). *Weltbild und Metapher. Untersuchungen zur Philosophie im 18. Jahrhundert*. Würzburg.
- Arendt, H. (2011). "O politicheskoy filosofii Kanta: Kurs lekcij. Lekcija 8". *Kantovskij sbornik*, no. 2(36), pp. 90–94.
- Brandt, R. (1997). „Antwort auf Bernd Ludwig: Will die Natur unwiderstehlich die Republik?“ *Kant-Studien*, Jg. 88, S. 229–237.
- (2003). *Universität zwischen Selbst- und Fremdbestimmung. Kants „Streit der Fakultäten“*. Berlin.
- Bryushinkin, V. N. (1985). "Paradigmy Kanta: logicheskaja forma". *Kantovskij sbornik*, no. 10.
- (2009a). "Kognitivnyj podhod k argumentacii". *Ratsio ru*, no. 2, pp. 2–22.
- (2009b). "Sistemnaja model' argumentacii dlja fragmenta filosofskogo teksta". *Ratsio ru*, no. 1, pp. 43–62.
- (2011). "Kognitivnye karty naborov argumentov". *Modeli rassuzhdenij – 4*, pp. 161–181.

- Busch, W. (1979). *Die Entstehung der kritischen Rechtsphilosophie Kants: 1762–1780*. Berlin.
- Cavallar, G. (1992). *Pax Kantiana: systematisch-historische Untersuchung des Entwurfs „Zum ewigen Frieden“ (1795) von Immanuel Kant*. Wien.
- (2005). „Lauter „Leidige Tröster“? Kants Urteil über die Völkerrechtslehren von Grotius, Pufendorf und Vattel“. *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie*, Jg. 30, S. 271–291.
- Dierksmeier, C. (2009). „Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff“. In: *Kants Lehre vom Staat und Frieden*. Hrsg. von H. Ottmann. Baden-Baden.
- Flikschuh, K. (2007). „Duty, Nature, Right: Kant’s Response to Mendelssohn in “Theory and Practice III”“. *Journal of Moral Philosophy*, vol. 4 (2), pp. 223–241.
- Funaba, Y. (2009). „Der Gemeinspruch muss von der Philosophie zurückgewiesen werden“. *Philosophia Osaka*, Jg. 4, S. 85–97.
- Garve, C. (1788). „Einige zerstreute Betrachtungen über die Moral der Politik“. In: *Garve C. Philosophische Anmerkungen und Abhandlungen zu Cicero’s Büchern von den Pflichten. Anm. zu dem dritten Buche*. Wien.
- Gentz, F. (1967). „Nachtrag zu dem Raisonement von Herrn Professor Kant...“ In: *Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis*. Hrsg. von D. Henrich. FaM.
- Guyer, P. (2000). *Kant on Freedom, Law, and Happiness*. Cambridge.
- Kant, I. (1955). „Vorarbeiten zu Über den Gemeinspruch...“ In: *Kant I. Gesammelte Schriften*. Bd. XXIII. Berlin.
- (1994a). „Antropologija s pragmaticheskoy točki zrenija“. In: *Kant, I. Sochinenija: v 8 tomah*. Vol. 7. Moscow.
- (1994b). „Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?“ In: *Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Vol. 1. Moscow.
- (1994c). „Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht“. In: *Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Vol. 1. Moscow.
- (1994d). „O neudachah vseh filosofskih popytok teodicej“. In: *Kant, I. Sochinenija: v 8 tomah*. Vol. 8. Moscow.
- (1994e). „Religija v predelah tol’ko razuma“. In: *Kant, I. Sochinenija: v 8 tomah*. Vol. 6. Moscow.
- (1994f). „Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nichts für die Praxis“. In: *Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Vol. 1. Moscow.
- (1994g). „Zum ewigen Frieden“. In: *Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Vol. 1. Moscow.
- (1999). *Spor fakul’tetov*. Kaliningrad.
- (2006). „Kritik der reinen Vernunft“. In: *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Bd. 2.1. Moscow.
- (2014). „Die Metaphysik der Sitten. Erster Teil“. In: *Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Vol. 5.1. Moscow.
- Kersting, W. (2009). „... das einzig taugliche Princip ein beharrliches Ganzes unter widersinnischen Köpfen möglich zu machen...“ Kants Gemeinschaftsphiloso-

- phie vom commercium der Substanzen bis zum ethischen Staat“. *Logos. Anales del Seminario de Metafísica*, Jg. 42, S. 73–88.
- Khizanishvili, D. V. (2014a). “Kognitivnyj podhod k argumentacii i proizvodstvo soobshhenij”. *Vestnik BFU im. I. Kanta*, no. 12, pp. 128–135.
- (2014b). “Osobennosti kognitivnogo podhoda k argumentacii: aspekty modelirovanija”. *Izvestija UrFU. Ser. 3*, no. 4(134), pp. 155–163.
- Lemeshevskij, K. V. (2013). “Postroenie kognitivnoj modeli argumentacii dlja fragmenta traktata I. Kanta «K vechnomu miru»”. *Ratio.ru*, no. 11.
- Lesser, A. H. (2014). *Kant or Machiavelli?* URL: <http://intertheory.org/kant-machiavelli-ahlesser.htm> (visited on 01/26/2016).
- Ludwig, B. (1995). „Moralische Politiker und Teufliche Bürger...“ In: *Proceedings of the Eight International Kant Congress*. Bd. I.1. Milwaukee, S. 71–88.
- (1997). „Will die Natur unwiderstehlich die Republik? Einige Reflexionen anlässlich einer rätselhaften Textpassage in Kants Friedensschrift“. *Kant-Studien*, Jg. 88, S. 218–228.
- „Naturrecht Feyerabend“ (1979). In: *Kant I. Gesammelte Schriften*. Bd. XXVII 2.2. Berlin.
- Pinzani, A. (2011). „Botanische Anthropologie und physikalische Staatslehre. Zum Fünften und Sechsten Satz der Idee“. In: *Immanuel Kant. Schriften zur Geschichtsphilosophie*. Hrsg. von O. Höffe. Berlin.
- Rehberg, A. W. (1967). „Über das Verhältnis der Theorie zur Praxis“. In: *Kant – Gentz – Rehberg. Über Theorie und Praxis*. Hrsg. von D. Henrich. FaM.
- Rossi, P. J. (1998). “Critical Persuasion: Argument and Coercion in Kant’s Account of Politics”. In: *Recht, Staat und Völkerrecht bei Immanuel Kant*. Ed. by D. Hüning and B. Tuschling. Berlin.
- Schmidt, C. M. (2007). “Kant’s Transcendental, Empirical, Pragmatic and Moral Anthropology”. *Kant-Studien*, vol. 98, pp. 156–182.
- Schmitz, H.-G. (1990). „Moral oder Klugheit? Überlegungen zur Gestalt der Autonomie des Politischen im Denken Kants“. *Kant-Studien*, Jg. 81, S. 413–434.
- Sergeev, V. M. (1986). “Struktura politicheskoy argumentacii v «Melijskom dialoge» Fukidida”. In: *Matematika v izuchenii srednevekovykh povestvovatel’nykh istochnikov*. Moscow, pp. 49–63.
- Sologubov, A. M. (2004). “Model’ mira i poslednie osnovanija argumentacii”. In: *Modeli mira*. Ed. by V. N. Brjushinkina. Kaliningrad, pp. 109–118.
- (2005). “Modeli mira i metafory v argumentacii”. *Vestnik RGU im. I. Kanta*, no. 3, pp. 27–34.
- (2006). “Sistemnaja model’ argumentacii v prakticheskoy filosofii I. Kanta”. PhD thesis. Kaliningrad: RGU im. I. Kanta.
- Sudakov, A. K. (1995). “Kant: vlast’, moral’ i nasilie”. In: *Social’naja filosofija i filozofskaja antropologija*. Ed. by V. A. Kruglikova. Moscow.
- Sullivan, R. (1995). “Kant and Machiavelli”. In: *Proceedings of the Eight International Kant-Congress*. Vol. I.2.
- Thaler, M. (2008). „Zwei Antipoden: Machiavelli versus Kant“. In: *Moralische Politik oder politische Moral? Eine Analyse aktueller Debatten zur internationalen Gerechtigkeit*. FaM., S. 32–83.

- Tuschling, B. (1998). „Die Idee des Rechts: Hobbes und Kant“. In: *Recht, Staat und Völkerrecht bei Immanuel Kant*. Hrsg. von D. Hüning und B. Tuschling. Berlin.
- Vasil'ev, V. V. (2010). *Filosofskaja psihologija v jepohu Prosveshhenija*. Moscow.
- Weyand, K. und Lehmann, G. (1959). „Ein Reinschriftfragment zu Kants „Streit der Fakultäten““. *Kant-Studien*, Jg. 51, S. 3–10.
- Williams, H. (1983). „Kant and Machiavelli“. In: *Kant's Political Philosophy*. Oxford, pp. 46–51.
- (2000). „Christian Garve and Immanuel Kant: Some Incidents in the German Enlightenment“. *Enlightenment and Dissent*, vol. 19, pp. 171–192.
- Wood, A. (1998). „Ungesellige Geselligkeit: Die anthropologischen Grundlagen der Kantischen Ethik“. In: *Recht, Staat und Völkerrecht bei Immanuel Kant*. Hrsg. von D. Hüning und B. Tuschling. Berlin.
- Zilber, A. S. (2016). „Naskol'ko transcendental'ny Kantovy principy publichnogo prava?“ *Kantovskij sbornik*, no. 1 (55), pp. 34–51.

About author

Andrey Zilber, Research Assistant, Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, a-zilb@ya.ru.